

III. РЕФЕРАТЫ

E.A. TAXO-ГОДИ

«И ОБРАЗ МИРА В СЛОВЕ ЯВЛЕННЫЙ...» («СЛОВО» В РОМАНЕ ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»)*

В начале XX в. русская интеллигенция увлекалась имяславием. Интерес к имяславию проявлялся по-разному, в разные годы и в разных кругах. В архиве Вяч. Иванова найдены имяславческие материалы середины 10-х годов. К имяславию тяготел отец П. Флоренский (книга «Имена»). Осип Мандельштам посвятил имяславцам стихотворение, а И.Ильф и Е.Петров в «Двенадцати стульях» имяславцев высмеяли. После того, как отшумели основные имяславские споры, в 1953 г. в Париже вышла книга отца С.Булгакова «Философия имени».

Хотя Б.Л.Пастернака философская и мировоззренческая полемика вокруг имяславия не коснулась, считает автор статьи, но «всёяния эпохи не прошли для него абсолютно бесследно» (с. 88). Какова же была пастернаковская «философия имени»?

Статьи, заметки и автобиографическая проза Пастернака дают представление о том, какое значение он придавал слову. Однако реконструировать пастернаковскую «философию имени» лучше всего по его роману «Доктор Живаго», поскольку роман охватывает именно 10–20-е годы XX в., «тот временной отрезок, когда в среде русской интеллигенции вопрос о слове был одним из животрепещущих» (с. 90). Мир у Пастернака явлен

* Логос: Филос. журн. – М., 1999. – № 3. – С. 86–113.

именно *через слово*, ведь именно в слове мир является как целое, пишет Е.А. Тахо-Годи.

Пастернак с особой тщательностью искал имена для своих героев, и в частности . для главного героя романа «Доктор Живаго». Это имя свидетельствовало о жизни, о вечности человеческой души. Примеров связи жизни пастернаковских персонажей и их имен можно привести много. Так, революция обрекает на гибель и самого Юрия Живаго, и его имя. Судьба Лары аналогична судьбе Живаго – ее исчезновение сопровождается исчезновением ее имени. Зарождение враждебного герою имени начинается с появления новых имен. Переименовываться будет всё: страна, где родился Живаго; больница, где он работал; комната теперь называется «жилой площадью»; бывшая кладовая становится комнатой; классная – спальной и т.д. Даже мужчины в новом мире называются по новому: «товарищи граждане». В этом мире «прежняя живая связь вещи и имени утрачивается, слова превращаются в фикцию, теряют свою овеществленность, начиная обозначать несуществующие вещи» (с. 92).

В новом мире за словами нет мира вещей, который они раньше означали. Да и сам этот мир – это мир фикций, мир подлога, мир внешний, лишенный содержания. «Живаго должен исчезнуть, раз он не способен принять этот мир, несмотря на то, что в первое мгновение фиктивный мир пустых слов соблазнил даже его» (с. 93).

В «Докторе Живаго» особое внимание обращено на «язык времени». Это не только новые слова и новые наименования. Это отношение к слову и манере говорить. Слово из одного социального круга с трудом проникает в другой, проникает в сознание искаженным, переделанным на свой лад. Искажение имен, «порчу» слов можно проследить по всему роману. Эта «порча» языка, дробление его на отдельные языки призваны в романе Пастернака свидетельствовать о том, что распадение привычного мира привело к утрате коммуникации между людьми, слово перестало быть средством общения.

Отношение автора к своим героям проявляется и через отношение этих героев к слову, считает Тахо-Годи. Ведь у каждого из героев романа есть свой язык, свой словарь. Жизнь и мир для Живаго – это не что иное как книга, «книга рока» (с. 98). Лара и искусство для Живаго – слова из этой книги судьбы. Для Живаго всё подлинное в человеческой жизни сопряжено с тишиной, «тихим словом». С тишиной связана для него не только тайна рождения слова, но и тайна рождения человека. С тишиной связана любовь. Фарисейским многословием и громогласием страдают все

персонажи, противопоставленные Юрию Живаго. С этим связана в романе и тема «театра жизни».

С революцией в России воцаряется шумная, полная ложного пафоса театральщина, революция начинается для Живаго как громкий голос митингующих, разрушивший тишину «восхищения жизнью» (с. 101). «Доля дурацкой декламации проникла и в наши разговоры, какое-то показное, обязательное умничанье на обязательные мировые темы», – говорит Лара в одну из встреч с Живаго (цит. по: с. 101). В романе Пастернака по сути нет диалогов, речи его героев монологичны и декларационны.

Тема «христианства и антихристианства» в романе связана, в первую очередь, со словом и с отношением к слову. Тема эта разрабатывается на разных уровнях и находит свое выражение в сознании разных персонажей, например, лавочницы Галузиной, для которой прошлое – это жизнь, когда «имена складно сходились» (цит. по: с. 104). Эта тема – «христианства и антихристианства» – в свою очередь, связана с мотивом громкого и тихого слова, с борьбой между ветхозаветным и тихим евангельским словом.

Несомненна, считает автор статьи, и связь «гамлетовской» темы в романе с мотивом «тихого слова». Ведь «гамлетовская» тема в «Докторе Живаго» тесно сопряжена с мотивом евангельского и ветхозаветного слова: стихотворение Пастернака «Гамлет» часто сравнивают с замыкающим «живаговский» цикл стихотворением «Гефсиманский сад», причем это сопоставление было задано самим Пастернаком. В мире громких слов и театральных фраз бесчестных «народолюбцев» Живаго чувствует себя так же, как Гамлет среди лицемеров датского двора.

Идею о «звуковом лице» эпохи Пастернак воплотил еще за тридцать лет до написания «Доктора Живаго» – в поэме «Высокая болезнь».

И.Л.Галинская